ШХ: До сих пор во всех твоих историях присутствует что-то фантастическое. Однако ты читаешь не только фантастику.СМ: О, я люблю основную художественную литературу, и есть много книг, которые я очень люблю, в которых нет абсолютно никаких элементов фантастики. Но для меня фантастические книги предназначены для написания. В ней есть дополнительное счастье, дополнительный шарм в том, что ты создаешь свой собственный мир в то время, когда ты пишешь. Мне нравится эта часть.... Бред величия... Ну, знаешь, иметь контроль над целым миром? [Смеется]

ШХ: Это забавно. Как мы уже говорили ранее, когда ты писательница, с твоим эго может случиться так много всего, как хорошего, так и плохого, и всего, что между ними. Но молодежные авторы, как правило, довольно приземленные, ты так не считаешь?СМ: Что ж, я считаю, что написание литературы для взрослых людей молодого возраста заставляет тебе сохранять смиренность. Потому что все тебе говорят: «О... ты пишешь для детей. Разве это не мило?» Иногда это может звучать так покровительственно, и, безусловно, это заставляет тебя сохранять смирение. Благодаря этому ты, возможно, не сможешь стать автором, который сможет сказать «Я — автор». Нет никакого способа это сделать, когда ты пишешь для детей. [Смеется]

ШХ: Я считаю, что присутствует также элемент: Это не только обо мне. Мы обе писали книги для взрослых. Я считаю, когда ты выходишь на взрослый рынок, все зависит от того, сколько книг ты продала и какие награды получила. Но когда ты пишешь для детского ринка, это тоже про детей. И ты являешься частью этой команды — вместе с библиотекарями и книготорговцами, родителями и учителями — и ты продвигаешь грамотность и некоторые полезные вещи, помимо простого: Я пишу книгу, а теперь платите мне за это. Так что я считаю, что в мире детей, люди, как правило, более умеренные и более уравновешенные.СМ: Поскольку я не собиралась писать для детей, я бы никогда не подумала, что мои книги будут способствовать распространению грамотности. Кто-то должен быть настоящим читателем, чтобы когда-либо взяться за это, и то лишь потому, что у них закончилось всё остальное. [Смеется]И одна из маленьких «прелестных вещей» этой карьеры, это то, что эти дети подходят и говорят мне, что это первая книга, которую они когда-либо читали ради удовольствия, и они продолжили читать. Сейчас они прочли эту прочею книгу, и они прочитали ту, и теперь они так взволнованы какой-то другой книгой, которую они нашли для себя. И написать первую книгу, которая вдохновила их стать читателями — о, это удивительный подарок.

ШХ: Так и есть. Лучший комплимент, который я когда-либо получала, заключается не в том, что мои книги — их любимые, а в том, что мои были первыми, кто заставили их влюбиться в чтение.СМ: И сейчас они читают дальше. Ты знаешь, у меня было замечательное детство, и одна вещь, которая сделала моё детство таким особенным, заключалась в том, что из-за того, что я любила читать, я пережила тысячу приключений — и я была героиней тысячу раз, и я падала в любовь тысячу раз. И теперь, открыв эти миры для кого-то ещё... Я знаю, как это здорово, и я бы желала каждому дать такой подарок — найти книгу, которая сделает это для них.Однажды я давала интервью для Гостьи и оператор, который всё это снимал, сказал: «Значит, эта книга об инопланетянах? Я сказала: «Аха, вроде того». И он сказал: «Ну, знаешь, я думаю, что прочитал три книги, за всю свою жизнь. Я ненавижу читать, ещё со школы — это была такая пытка». И я лишь подумала: Как грустно! Ведь есть кокая-то книга, которая

идеально подходит для него, а он даже не знает об этом.

ШХ: Верно.СМ: Но он не подберёт её, потому что у него был плохой опыт. Я, правда, чувствую, что одна из важных вещей, которую ты можешь сделать для детей в школе — это не просто дать им классику, которая научит их возвышенным формам и действительно отличному стилю письма, но также добавить пару забавных вещей, которые научат их тому, что чтение может быть этим удивительным приключением. Позволить полюбить какую-нибудь история, чтобы, по крайней мере, они знали, что не все книги «трудные» или «сложные», но что они могут быть просто забавными.

ШХ: Я настолько страстно согласна с этим. И я считаю, что одним из ключевых является, иметь большое разнообразия. Потому что не каждый жанр или стиль повествования будет подходящим для всех.СМ: Некоторые люди будут цепляться за Шекспира, и они будут такими: [вздыхает] — «Озарение!» Восторгаясь пониманием глубинных причин и взаимосвязей. А затем некоторым людям понадобится остросюжетная история с автомобильными погонями и перестрелками — им это понадобится, чтобы начать читать.

ШХ: У каждого ученика должен быть шанс найти хотя бы одну книгу, в которую он влюбится. Тогда они с большей вероятностью будут продолжать и сохранять чтение всю жизнь.СМ: Именно. Когда я училась в школе, у меня было несколько действительно замечательных учителей. И, к счастью для меня, я уже открыла для себя книги, которые мне правда нравились. Классика давалась мне легко — я рано начала читать её, так что это была знакомая почва: О, хорошо. Я снова прочитаю Джейн Остин. Ух ты! Но многие дети погружаясь в классику, разбивали себе лбы об очень большой трудный для понимания текст — если у них нет предисловии, чтобы оценить этот опыт, это может отвратить их от чтения. И это печально.

ШХ: Я встречаю так много взрослых, которые перестали читать на долгие годы. И они рассказывают мне, что кто-то из друзей настаивал на том, чтобы они прочитали книгу, и чаще всего это оказывались Сумерки… а потом они обнаруживали, что им все-таки нравится читать, и продолжают читать другие книги.Итак, Стефани Мейер, спасибо тебе. За то, что изменила мир — сделала его лучше — и напомнила стольким людям, что мы любим читать.СМ: Делаю то, что могу. [Обе смеются]

http://tl.rulate.ru/book/52023/1536328